

ВАМПИР ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Румит Вораназ

Вампир Его
Императорского Величества

«Автор»

2026

Вораназ Р.

Вампир Его Императорского Величества / Р. Вораназ — «Автор»,
2026

«Знак Крови» — тёмное фэнтези в декорациях России XIX века. Петербург, 1848 год. Князь Дмитрий Загорский, поэт и вольнодумец, погибает на дуэли, подстроенной тайным обществом. Его тело сбрасывают в Неву, но древний перстень, поднятый со дна, возвращает его к жизни — иной, страшной жизнью. Теперь он вампир. Жнец, читающий грехи людей через их кровь. И у него есть цель: уничтожить Круг Девяти — могущественных Попечителей, что удерживают Россию в «Морозном Безвременье», законсервировав самодержавие и крепостное право на века. Каждый убитый враг приближает его к разгадке, но отнимает часть человечности. Призрак любимой Анны является всё реже, а зима внутри него становится такой же вечной, как над империей. Чтобы освободить страну, ему придётся решить: разрушить печати и выпустить хаос — или занять место павшего врага и самому стать Хранителем Вечной Зимы. Что сильнее — жажда мести, любовь или проклятие? И можно ли остаться человеком, когда ты уже мёртв?

© Вораназ Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Дуэль на рассвете»	5
Глава 2. «Прорубь и перстень»	9
Глава 3. «Пробуждение в склепе»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Румит Вораназ

Вампир Его Императорского Величества

Глава 1. «Дуэль на рассвете»

Зима 1848 года в Петербурге выдалась на редкость студёной. Нева скована льдом, и по её свинцовой глади то и дело проносились позёмки, замечая следы одиноких прохожих. Однако в особняке графини Северовой на Английской набережной было жарко натоплено, и окна светились тёплым желтоватым светом, обещающая убежище от пронизывающего ветра.

Князь Дмитрий Загорский, молодой гвардейский офицер, стоял у окна в гостиной, держа в руке бокал с шампанским, которое почти не пил. Он смотрел на заснеженную набережную, где редкие экипажи скользили по льду, и думал о том, что этот блестящий бал — лишь маскарад, за которым скрывается гниль и ложь высшего света. Дмитрий был высок, строен, с тёмными волосами и пронзительными серыми глазами, в которых читалась усталость человека, разочаровавшегося в мире, но ещё не потерявшего способность мечтать.

— Князь, вы снова в своих мрачных думах? — раздался рядом мелодичный голос.

Он обернулся. Перед ним стояла юная графиня Анна Северова, племянница хозяйки салона. Её светлые волосы были уложены в простую, но изящную причёску, а голубые глаза смотрели на него с любопытством и участием. Она была одета в бледно-голубое платье, которое подчёркивало её хрупкую фигуру.

— Графиня, — Дмитрий слегка поклонился. — Простите мою задумчивость. Я лишь размышлял о том, как мало в этом мире осталось искренности.

Анна улыбнулась, но в её улыбке была грусть.

— Вы всегда говорите так, будто носите на плечах груз всех печалей России. Но сегодня вечер посвящён поэзии. Не хотите ли прочесть что-нибудь? Гости ждут.

Дмитрий помедлил. Он действительно писал стихи, но редко читал их в свете, зная, что большинство здесь воспримет их как забавную выходку. Однако Анна смотрела на него с такой надеждой, что он не смог отказать.

Он прошёл в центр гостиной, где уже собралось около тридцати человек — офицеры, дамы, сановники. Разговоры стихли. Дмитрий достал из кармана сложенный лист бумаги.

— Я прочитаю стихотворение, которое написал недавно, — начал он негромко, но отчётливо. — Оно о России, о её снежном оцепенении и о надежде, которая, возможно, ещё не умерла.

Он развернул лист и прочёл:

«О, Русь моя, ты спишь под снегом, Окован льдом твой древний дух. Но где-то там, за белым небом, Рассвет уже готовит вдох.

Не вечен холод, не вечны цепи, Проснётся мысль, растопит лёд. И над равнинами, как степи, Свобода красный флаг взметнёт».

В гостиной повисла тишина. Кто-то одобрительно кивнул, кто-то нахмурился. Но громче всех раздался резкий, насмешливый голос:

— Какая смелая поэзия! Неужели вы, князь, всерьёз верите в этот вздор?

Дмитрий обернулся. К нему приближался барон Корф — грузный мужчина лет пятидесяти, с бакенбардами и холодными глазами. Он был известен своими реакционными взглядами и близостью ко двору.

— Барон, — холодно ответил Дмитрий, — я верю в то, что рабство и деспотизм не могут длиться вечно. История это доказала.

Корф усмехнулся.

— История? Вы, молодой человек, видимо, забыли, что Россия — особый мир. Здесь порядок, данный Богом и государем, нерушим. А ваши стихи — это крамола, за которую в былые времена отправляли в Сибирь.

— Возможно, — спокойно сказал Дмитрий. — Но я предпочитаю быть в Сибири, чем в рабстве.

В гостиной раздались шепотки. Анна побледнела. Корф побагровел.

— Вы наглец, князь! — процедил он сквозь зубы. — Ваше вольнодумство уже давно замечено. И если вы не образумитесь, последствия будут печальны.

— Угрозы? — Дмитрий поднял бровь. — Как это по-военному. Но я не боюсь.

Корф сжал кулаки, но, заметив вокруг любопытные взгляды, сдержался.

— Мы ещё поговорим, — бросил он и отошёл.

Анна подошла к Дмитрию, коснулась его руки.

— Зачем вы так? Он влиятельный человек. Он может навредить вам.

Дмитрий посмотрел на неё с нежностью.

— Анна, если мы будем молчать, то никогда ничего не изменится. Я устал от этого лицемерия.

Она вздохнула.

— Я понимаю. Но будьте осторожны. Я не хочу вас потерять.

В этот момент к ним подошла графиня Северова, хозяйка салона, и объявила, что ужин подан. Гости начали перемещаться в столовую. Дмитрий предложил Анне руку, и они пошли вместе, чувствуя, что этот вечер стал для них чем-то большим, чем просто светская обязанность.

На следующий день Дмитрий вернулся в свою квартиру на Мойке. Он жил скромно для князя, но с достоинством. Кабинет был завален книгами, рукописями, картами. Слуга принёс почту. Среди приглашений и счетов Дмитрий заметил конверт без обратного адреса, запечатанный чёрным сургучом. Сердце его сжалось от предчувствия. Он вскрыл конверт.

Внутри был лист бумаги, исписанный корявым почерком:

«Князь, ваши вольнодумные речи и стихи не остались незамеченными. Вам даётся последнее предупреждение: прекратите крамолу или пеняйте на себя. Если вы не внемлете, мы будем вынуждены принять меры. Вас ждёт участь, которую вы заслуживаете. И не думайте, что ваше происхождение защитит вас. У нас длинные руки.

P.S. Завтра на рассвете вас ждут на Чёрной речке. Барон Корф желает уладить дело чести. Выберите оружие — пистолеты. Если вы не явитесь, вас объявят трусом и предателем».

Дмитрий перечитал письмо дважды. Угроза была явной. Но что странно — вызов на дуэль исходил от Корфа, который вчера лишь угрожал. Возможно, это ловушка. Дмитрий знал, что дуэли в России запрещены, но в высшем свете они всё ещё случались, и исход мог быть смертельным. Он задумался. С одной стороны, он мог проигнорировать вызов и уехать из города. С другой — это означало бы бесчестие. А честь для него была не пустым звуком.

Он сел за стол и написал ответ: «Я принимаю вызов. Завтра на рассвете, Чёрная речка. Пистолеты». Отправил с слугой. Затем он достал из ящика небольшой пистолет, проверил его. В голове пронеслась мысль: а не слишком ли это всё подстроено? Но отступить было поздно.

Вечером к нему пришла Анна. Она была взволнована.

— Дмитрий, мне сказали, что вы получили вызов от Корфа. Это безумие! Он известный стрелок. Вы должны отказаться.

— Анна, я не могу. Если я откажусь, меня засмеют. И потом, я не верю, что это просто дуэль. Здесь что-то другое. Возможно, они хотят меня убить.

— Тогда бегите! Уезжайте из Петербурга.

— Куда? И зачем? Я устал бегать. Если мне суждено умереть, я умру с честью.

Анна заплакала.

— Я не переживу, если вас не станет.

Дмитрий обнял её.

— Всё будет хорошо. Я вернусь.

Но в глубине души он не верил в это.

Рассвет был серым и морозным. Чёрная речка, скованная льдом, напоминала мёртвую пустыню. Дмитрий прибыл на место первым. Его секундант, поручик Ланской, друг детства, пытался шутить, но было видно, что он нервничает.

Вскоре появился Корф в сопровождении двух секундантов и лекаря. Корф был одет в тёплую шинель, на лице — самодовольная улыбка.

— А, князь! — воскликнул он. — Я рад, что вы не струсили.

— Давайте покончим с этим, — холодно ответил Дмитрий. — Я не намерен мёрзнуть дольше необходимого.

Секунданты отошли в сторону, отмерили пятнадцать шагов. Дмитрий и Корф встали на позиции. Ланской вручил Дмитрию пистолет. Дмитрий ощутил холод металла. В этот момент он заметил, что один из секундантов Корфа переглянулся с бароном. Что-то было не так.

— По команде сходимся! — объявил Ланской. — Три... два... один!

Дмитрий начал поднимать пистолет, но Корф выстрелил раньше, не дожидаясь команды. Пуля ударила Дмитрия в грудь, пробив шинель и плоть. Он почувствовал ожог, затем холод, разливающийся по телу. Он упал на снег, кровь заливала белый покров.

— Подлю! — закричал Ланской, бросаясь к Дмитрию.

Корф спокойно опустил пистолет.

— Он сам виноват. Не следовало ему говорить лишнего.

Ланской склонился над Дмитрием.

— Дмитрий! Держись! Лекаря!

Но Дмитрий уже терял сознание. Последнее, что он увидел, — серое небо и лицо Анны, которая почему-то стояла вдалеке, хотя он не говорил ей, где будет дуэль. Она плакала. Затем всё померкло.

Тело Дмитрия лежало на снегу. Корф подошёл к секундантам.

— Нужно избавиться от тела. Если узнают, что это была нечестная дуэль, будут проблемы.

— Что вы предлагаете? — спросил один из них.

— Здесь недалеко прорубь. Сбросим его в Неву. Скажем, что он утонул сам.

Ланской попытался protestовать, но его удержали. Тело Дмитрия подняли и понесли к проруби. Лёд был прозрачным, вода чёрной. Они сбросили тело в воду. Дмитрий погрузился в ледяную тьму.

Он не чувствовал холода. Он вообще ничего не чувствовал. Но внезапно в этой тьме вспыхнул свет. На дне, среди затонувших веток и мусора, лежал старинный перстень с тёмным камнем. Он пульсировал красным светом. Рука Дмитрия, словно сама собой, потянулась к нему. Пальцы сжали перстень. И в этот момент раздался голос — глубокий, древний, насмешливый:

— Ты не умрёшь, князь. Ты будешь жить, чтобы отомстить. Но цена — твоя душа. Ты станешь Жнецом. Ты будешь пить кровь и видеть грехи. Восстань!

Сознание Дмитрия взорвалось болью. Он открыл глаза. Вокруг была тьма и холод. Он начал всплывать. Вынырнул на поверхность, хватая ртом воздух. Выбрался на лёд. Его одежда была мокрой, но он не чувствовал холода. Он посмотрел на перстень на пальце. Камень слабо мерцал.

Он поднялся. В голове звучал голос Хорса:

— Иди. Ты должен убить девять. Они пьют души народа. Ты — Жнец. Твоя охота начинается.

Дмитрий посмотрел на город вдали. Петербург спал. Никто не заметил его воскрешения. Он сделал первый шаг. Теперь он был не человеком. Он был вампиром. И его ждала месть.

Глава 2. «Прорубь и перстень»

Тьма подо льдом Невы не была обычной тьмой. Это была бездна, в которой растворялись время, боль и само дыхание жизни. Дмитрий Загорский не чувствовал холода — он вообще перестал что-либо чувствовать, кроме странного покалывания в пальцах правой руки, где на безымянном пальце сомкнулся перстень. Камень в нём — тёмный, как замёрзшая кровь, — пульсировал медленным багровым светом, и от этого пульса по всему телу расходились волны чужой, древней силы.

Он не знал, сколько времени прошло. Возможно, мгновение. Возможно, вечность. Он парил в чёрной воде, и волосы его развевались, как водоросли, а тяжёлая шинель тянула ко дну, но не могла утянуть. Он был мёртв — и одновременно жив. Это противоречие разрывало сознание, но не тело.

И тогда он услышал голос.

— Ты слышишь меня, князь?

Голос был не звуком. Он был vibration, дрожью в костях, эхом в пустоте черепа. Он шёл отовсюду и ниоткуда. Дмитрий попытался ответить, но вода не пустила в лёгкие ни звука.

— Не нужно слов, — продолжал голос. — Я читаю твоё сердце. Оно полно горечи. Ты умер несправедливо. Тебя предали. Тебя убили подло, выстрелом в спину, и бросили в эту прорубь, как дохлую собаку. Ты хотел справедливости. Ты хотел свободы для своей страны. И что ты получил? Ледяную могилу.

Дмитрий чувствовал, как эти слова отзываются в нём болью, которая была сильнее физической. Да, он умер несправедливо. Да, его предали. И да, он хотел мести.

— Кто ты? — мысленно спросил он.

— Я — Хорс. Древний, как сама эта земля. Я видел, как рождались и умирали империи. Я видел, как ложь покрывала Русь, как кровь лилась реками, как народ загоняли в стойло. Я спал под этим льдом сотни лет. Но теперь я проснулся. Ты разбудил меня, когда коснулся перстня.

Дмитрий вспомнил перстень. Он лежал на дне, среди мусора и тины, и манил его. Теперь он был на его пальце, и камень не отпускал.

— Что тебе нужно от меня?

— Мечь, — ответил Хорс. — И не только твоя. Девять человек удерживают эту страну в вечной мерзлоте. Они называют себя Попечителями. Они заключили пакт со мной — давно, очень давно, — чтобы остановить время. Но они обманули меня. Они украли мою силу и запечатали её в девяти печатях. Пока печати целы, Россия не проснётся. Люди не помнят вчерашнего дня. Время течёт по кругу. Души народа пьют, как воду из колодца.

— Попечители... — прошептал Дмитрий одними губами.

— Канцлер. Обер-прокурор Синода. Начальник Третьего отделения. Помещик-коллекционер душ. Генерал-усмиритель. Монах-отступник. Министр иностранных дел. И тот, кто всё начал, — Самозванец, Лжедмитрий, который подписал контракт на льду Москвы-реки в 1605 году. Девять грехов. Девять печатей. Ты должен убить их всех и снять печати.

Дмитрий молчал. В голове проносились лица: Корф, который стрелял подло; секунденты, которые помогли избавиться от тела; все те сановники, которые улыбались на балах и писали доносы. А над ними — император, который, как он теперь понимал, был лишь марионеткой.

— А если я откажусь?

Хорс засмеялся. Смех был холодным, как ветер с Финского залива.

— Тогда ты останешься здесь. В этой тьме. Навсегда. Ты не умрёшь — ты уже мёртв. Но и не воскреснешь. Ты будешь гнить в этой воде, пока не сойдёшь с ума. Но я знаю, что ты не откажешься. Ты хочешь жить. Ты хочешь мстить. И ты хочешь спасти Россию — пусть даже ценой собственной души.

Дмитрий закрыл глаза. Анна. Он вспомнил её лицо, её слёзы, её слова: «Я не переживу, если вас не станет». Но его уже не стало. Он умер на снегу у Чёрной речки. И теперь у него был только один путь — вперёд, в бездну.

— Я согласен, — произнёс он мысленно.

— Хорошо, — сказал Хорс. — Тогда прими мою кровь. Она сожжёт в тебе всё человеческое. Но даст тебе силу. Ты будешь видеть грехи людей. Ты будешь читать их память через кровь. Ты будешь сильнее любого смертного. Но помни: каждый убитый Попечитель будет забирать часть твоей человечности. К концу ты можешь стать тем, кого сам возненавидишь.

— Я готов, — ответил Дмитрий.

И тьма взорвалась светом.

Он пришёл в себя на берегу. Ледяная корка треснула под его пальцами, когда он выполз из проруби, как новорождённый — мокрый, дрожащий, но живой. Снег обжигал кожу, но боли не было. Была только жажда. Не вода. Не еда. Кровь.

Дмитрий поднялся на ноги. Шинель была разорвана, рубаха пропитана водой и кровью — его собственной кровью, которая больше не была красной. Она была тёмной, почти чёрной, и не сворачивалась. Он посмотрел на перстень. Камень мерцал ровно, спокойно, как сытый зверь.

В голове звучал голос Хорса, но теперь тише, отдалённое:

— Ты жив. Иди. Найди первую жертву. Утоли жажду. Иначе сойдёшь с ума.

Дмитрий сделал шаг. Потом ещё один. Тело слушалось, но было странным — слишком лёгким, слишком быстрым. Он чувствовал каждый звук: скрип снега под ногами, далёкий лай собаки, стук собственного сердца — если это можно было назвать сердцем. Оно билось медленно, тяжело, как молот по наковальне.

Он добрался до небольшой рощи на берегу. Там, у костра, сидел бродяга — оборванный мужик с бутылкой водки. Дмитрий почувствовал, как жажда вспыхнула с новой силой. Горло сжалось. Он хотел пить. Хотел крови.

— Эй, барин! — окликнул его бродяга. — Ты чего мокрый такой? Утопленник, что ли?

Дмитрий не ответил. Он шагнул к костру, и бродяга попятился, увидев его лицо.

— Ты... ты чего? — прошептал он. — Глаза-то... красные...

Дмитрий не помнил, как это произошло. Помнил только, как схватил бродягу за грудки, как впился зубами в его шею. Кровь была горячей, солёной, живой. Она потекла в горло, и жажда начала отступать. Но вместе с кровью пришли воспоминания. Он увидел жизнь этого человека — пьяную, грязную, полную мелких грехов. Он увидел, как тот украл хлеб у нищей вдовы, как предал друга, как бил жену. Мелкие грехи. Ничтожные. Но они были.

Дмитрий отбросил тело. Бродяга был мёртв. Глаза его были широко открыты, в них застыл ужас. Дмитрий вытер рот рукавом. Кровь на его губах была чёрной.

— Что я наделал... — прошептал он.

— Ты выжил, — ответил Хорс. — Это главное. Теперь иди. Тебя ждут.

Дмитрий посмотрел на свои руки. Они были бледными, почти белыми. Он больше не чувствовал холода. Он больше не чувствовал ничего, кроме голода — и голод был утолён. Но в душе осталась пустота. Он убил человека. Пусть и не лучшего, но человека. И сделал это не задумываясь.

Он пошёл прочь от проруби, от рощи, от тела. Туда, где виднелись огни Петербурга.

Петербург спал. Был ранний час, когда город ещё не проснулся, но извозчики уже выезжали на улицы, а дворники скребли лопатами снег. Дмитрий шёл по набережной, стараясь держаться в тени. Он чувствовал себя вором в собственном городе. Его дом был на Мойке. Он решил пойти туда.

Квартира встретила его тишиной. Слуга, старый Пётр, спал в передней. Дмитрий прошёл в кабинет. Всё было на своих местах: книги, бумаги, недопитая бутылка вина. На столе лежало

письмо. Он взял его. Это был конверт с чёрным сургучом — тот самый донос, который он получил перед дуэлью. Рядом — вчерашняя газета. Он развернул её. На последней странице, в чёрной рамке, было напечатано:

«С прискорбием сообщаем, что в ночь на 14 декабря скоропостижно скончался князь Дмитрий Александрович Загорский, гвардии поручик, известный поэт и вольнодумец. Причина смерти — простуда, осложнённая лихорадкой. Похороны состоятся завтра в Александро-Невской лавре».

Дмитрий перечитал. Простуда. Лихорадка. Ни слова о дуэли. Ни слова об убийстве. Его смерть была списана на болезнь. Он усмехнулся. Горько, безрадостно. Значит, Корф и его покровители постарались замести следы.

Он подошёл к зеркалу. Оттуда смотрело чужое лицо. Бледное, с обострившимися скулами, с тёмными кругами под глазами. Глаза были серыми, но в них теперь таился красный отблеск — едва заметный, но пугающий. Он провёл рукой по волосам. Они были холодными, как лёд.

— Ты теперь не человек, — сказал Хорс. — Ты — Жнец. И твоя охота начинается.

Дмитрий отвернулся от зеркала. Он не хотел видеть себя. Он хотел видеть врагов. Он сел за стол, взял перо и начал писать. Сначала — имена. Корф. Северов. Крот. И другие, которых он ещё не знал. Потом — план. Он должен найти всех девятерых. Он должен снять печати. Он должен освободить Россию.

Но сначала — Анна. Он должен увидеть её. Убедиться, что она жива.

Он вышел на улицу. Ночь была морозной, звёздной. Снег скрипел под ногами. Дмитрий шёл к дому Северовых на Английской набережной. Он не знал, что скажет Анне. Он не знал, как объяснит своё воскрешение. Но он должен был её увидеть.

Однако у дома его ждало нечто иное. На набережной, у чугунной ограды, стояла фигура в белом платье. Женщина. Она была бледна, почти прозрачна, и снег не падал на её плечи, а проходил сквозь них. Анна.

— Дмитрий, — произнесла она. Голос её был тихим, как шелест ветра.

Он замер.

— Анна? Ты... ты жива?

— Нет, — ответила она. — Я умерла. В ту же ночь, когда тебя убили. Меня нашли в Неве. Они сказали, что я утопилась от горя. Но это ложь. Меня убили. Потому что я знала слишком много.

Дмитрий почувствовал, как что-то внутри него сжалось. Он подошёл ближе. Анна смотрела на него с печалью.

— Ты стал Жнецом, — сказала она. — Я чувствую это. Ты пил кровь. Ты убил.

— Я должен был выжить, — прошептал он. — Я должен отомстить.

— Месть не вернёт меня, — сказала Анна. — И не вернёт тебя. Ты уже не тот человек, которого я любила. Ты — ходячий мороз. Ты будешь убивать, и с каждым убийством будешь терять себя. Я пришла предупредить тебя.

— О чём?

— О Хорсе. Он не тот, за кого себя выдаёт. Он не спаситель России. Он — древний дух, который питается душами. Попечители украли его силу, но он хочет вернуть её. И ты — его оружие. Ты убьёшь девятерых, и тогда он вырвется на свободу. И тогда Россия не проснётся — она умрёт.

Дмитрий покачал головой.

— Тогда что мне делать? Отказаться? Позволить им и дальше пить души народа?

— Я не знаю, — ответила Анна. — Я знаю только, что ты должен помнить, кем ты был. Ты был поэтом. Ты мечтал о свободе. Не позволяй тьме забрать это.

Она протянула к нему руку, но её пальцы прошли сквозь его ладонь.

— Я буду рядом, — сказала она. — Пока ты видишь свет. Но если ты потеряешь его... я исчезну.

Дмитрий закрыл глаза. Когда он открыл их, Анны уже не было. Только снег кружился в воздухе, и ветер выл в проводах.

Он стоял один. Впереди была ночь. Впереди была охота. И он знал, что не остановится.

Глава 3. «Пробуждение в склепе»

Алекسانдро-Невская лавра встретила Дмитрия тишиной и запахом ладана. Он шёл вдоль монастырских стен, стараясь держаться в тени, хотя ночь ещё не отступила. Часовые у ворот дремали, и он проскользнул мимо них незамеченным — тело двигалось быстрее и легче, чем прежде, словно он стал тенью среди теней.

Родовой склеп Загорских находился в дальнем углу лаврского кладбища, за старой часовней. Это было массивное сооружение из тёмного гранита, увитое плющом, с тяжёлой чугунной дверью. Дмитрий знал это место с детства — здесь лежали его отец, мать, дед. Теперь здесь должен был лежать и он сам. Он толкнул дверь. Замок поддался легко, словно ждал его.

Внутри пахло сыростью и камнем. В центре стоял саркофаг — новый, из белого мрамора, с высеченным именем: «Князь Дмитрий Александрович Загорский. 1820–1848». Он провёл рукой по холодному камню. Собственная могила. Странное чувство — стоять над собой и знать, что тело, которое здесь лежит, уже не твоё. Он открыл крышку. Внутри был гроб, обитый бархатом. Пустой. Тело, сброшенное в прорубь, так и не нашли — значит, хоронили закрытый гроб. Это было на руку.

Он сел на край саркофага. Голова кружилась от голода — того самого, тёмного, звериного. Он уже убил одного, но жажда возвращалась. Хорс молчал, но Дмитрий чувствовал его присутствие — древнее, тяжёлое, как камень на груди.

— Ты пришёл, — раздался тихий голос.

Анна стояла у входа, полупрозрачная в свете луны, проникавшем сквозь узкое окно под потолком. Она не приближалась, словно боялась коснуться его.

— Я не знал, куда идти, — ответил он. — Здесь безопасно. Пока солнце не взошло.

— Здесь ты можешь укрыться, — согласилась Анна. — Но ты должен понять, кто ты теперь. Ты не просто вампир, Дмитрий. Ты — Жнец. Хорс дал тебе не только силу, но и проклятие.

— Я уже понял, — глухо сказал он. — Я вижу грехи. Когда я пил кровь того бродяги, я видел его жизнь. Всю, до последней грязной мысли. Это... отвратительно.

— Это — твоё оружие, — сказала Анна. — Ты можешь читать память через кровь. Каждый, кого ты убьёшь, отдаст тебе свои секреты. Так ты найдёшь Попечителей. Но помни: с каждой каплей крови ты теряешь часть себя. Твоя человечность — как свеча на ветру. Она гаснет.

Дмитрий посмотрел на свои руки. Бледные, холодные, с длинными пальцами. Руки поэта, которые теперь будут рвать глотки.

— А солнце? — спросил он. — Я чувствую, что оно убьёт меня.

— Да, — кивнула Анна. — Ты дитя ночи. Солнечный свет сожжёт тебя. Ты должен прятаться днём. Ищи тёмные места: подвалы, склепы, пещеры. Или... ты можешь научиться создавать тень вокруг себя. Но это придёт со временем.

— А крест? Церковь?

Анна помолчала.

— Это сложнее. Ты не боишься креста как символа веры. Ты ненавидишь его как символ лжи. Той лжи, которой Попечители покрыли Россию. Церковь для тебя — не убежище, а место преступления. Поэтому ты не можешь войти. Это не проклятие Хорса — это проклятие твоей собственной души.

Дмитрий опустил голову. Он вспомнил, как стоял на паперти в ту первую ночь, когда пытался войти в храм. Порог обжёг его, как раскалённое железо. Он думал, что это вампирская слабость. Но теперь понял: это была его собственная ярость, его собственное отчаяние.

— Что мне делать? — спросил он.

— Учиться, — ответила Анна. — Ты должен узнать свои силы. Ты должен найти первых врагов. И ты должен помнить, кем ты был. Иначе тьма поглотит тебя.

Она подошла ближе. Её призрачная рука легла на его плечо — не касаясь, но он почувствовал холод, идущий от неё.

— Я буду с тобой, пока ты видишь свет, — повторила она. — Но если ты потеряешь его... я исчезну.

Дмитрий кивнул. Он не знал, сколько времени у него осталось. Но он знал, что должен начать. Сегодня. Сейчас.

Небо на востоке начало сереть. Дмитрий почувствовал это раньше, чем увидел — странное жжение в груди, словно внутри разгорался уголёк. Он вышел из склепа и посмотрел на горизонт. Там, за крышами Петербурга, занималась заря.

— Уходи, — прошептала Анна, тая в воздухе. — Спрячься. Быстро.

Дмитрий бросился к ближайшей тени — под арку монастырской стены. Жжение усилилось. Он выглянул из-за угла и увидел, как первый луч солнца коснулся снега. Снег заискрился, засверкал — и Дмитрий почувствовал, как кожа на его лице начинает гореть. Он отдёргнулся. На пальцах, которыми он коснулся щеки, остались волдыри — но они затягивались на глазах, оставляя после себя лишь лёгкое покраснение.

— Значит, правда, — пробормотал он. — Солнце убивает.

Он должен был найти убежище. Склеп был рядом, но он не хотел провести там весь день — это было бы слишком очевидно. Он двинулся вдоль стены, держась в тени, и добрался до старой часовни. Дверь была заперта, но он легко сорвал замок — сила вампира оказалась неожиданно велика. Внутри часовни было темно и пыльно. Он нашёл подвал — узкую комнату без окон, где, судя по всему, когда-то хранились книги и утварь. Теперь здесь было пусто.

Он сел на пол, прислонившись к холодной стене. Жжение постепенно утихло. Он закрыл глаза и попытался успокоиться. Мысли путались. Он вспомнил Анну, её слова о свете и тьме. Он вспомнил бродягу, чью кровь пил. Он вспомнил Корфа — самодовольное лицо, выстрел раньше времени. Гнев снова вспыхнул в груди, и это было хорошо. Гнев помогал не думать о том, кем он стал.

— Ты должен научиться контролировать жажду, — раздался голос Хорса. — Иначе она будет управлять тобой. Я не могу пить кровь за тебя. Но я могу научить тебя, как выживать.

— Ты говоришь так, будто тебе есть дело до меня, — усмехнулся Дмитрий.

— Мне есть дело до моего освобождения, — ответил Хорс. — Ты — мой инструмент. Если ты умрёшь от солнца или от жажды, я останусь запечатанным. Так что да, я заинтересован в том, чтобы ты выжил.

Дмитрий покачал головой. Честность Хорса была холодной, но по крайней мере это была честность.

— Тогда расскажи мне о моих силах. Что я могу?

— Ты быстрее и сильнее любого человека, — начал Хорс. — Ты видишь в темноте. Ты исцеляешься от ран. Ты можешь читать память через кровь. Но есть и другие силы, которые придут позже. Ты сможешь управлять тенями. Ты сможешь внушать страх. Ты сможешь становиться невидимым для глаз смертных. Но для этого нужно время. И тренировка.

— Сколько у меня времени?

— Пока не знаю. Попечители уже знают о твоём воскрешении. Они почувствовали, как дрогнула одна из печатей. Скоро они пришлют ловчих. Ты должен быть готов.

Дмитрий кивнул. Он провёл в подвале весь день, слушая голос Хорса, изучая свои новые возможности. Он учился чувствовать кровь на расстоянии, слышать шёпот мыслей, скрытых за лицами. Это было трудно, но он был упрям.

К вечеру, когда солнце село, он вышел из часовни. Мир стал другим. Он видел не только краски и формы, но и нечто большее — слабое свечение вокруг людей, отпечатки их страстей

и грехов. Он видел, как старуха у ворот молилась, и знал, что она лжёт — в её мыслях были деньги, украденные у внуков. Он видел, как монах разговаривал с прихожанином, и чувствовал его гордыню, его уверенность в собственной непогрешимости.

— Это и есть грехи? — спросил он.

— Это их тени, — ответил Хорс. — Настоящие грехи ты увидишь, когда выпьешь их кровь.

Дмитрий содрогнулся. Но он знал, что придётся.

Он вернулся в город. Вечерний Петербург был полон жизни — экипажи, прохожие, огни в окнах. Дмитрий шёл по Невскому, чувствуя себя чужим среди людей. Они не замечали его — или, может быть, не хотели замечать. Он был тенью, скользящей по краю их мира.

Он решил испытать свои силы. Увидев пьяного чиновника, выходящего из трактира, Дмитрий последовал за ним в тёмный переулок. Чиновник был один. Дмитрий подошёл к нему, и тот, обернувшись, побледнел.

— Ты... кто ты? — прошептал он.

Дмитрий не ответил. Он схватил чиновника за плечо и посмотрел ему в глаза. Он не хотел убивать — пока. Он хотел понять, как работает его дар. Он сосредоточился, и вдруг перед его внутренним взором пронёслась жизнь этого человека: детство в провинции, учёба в семинарии, служба в канцелярии, взятки, доносы, предательство друга. Дмитрий увидел, как чиновник подписал бумагу, отправившую невинного на каторгу. Увидел, как он брал деньги у вдовы, обещая помочь и не помогая. Мелкие грехи, но их было так много, что они складывались в огромную, уродливую картину.

— Ты... — прошептал чиновник. — Ты дьявол...

— Нет, — ответил Дмитрий. — Я — возмездие.

Он отпустил чиновника, и тот убежал, спотыкаясь. Дмитрий не стал его убивать. Он не был уверен, что это правильно. Но он знал, что этот человек запомнит встречу навсегда. И, возможно, изменится. Хотя вряд ли.

— Ты слишком мягок, — заметил Хорс. — Жнец не должен проявлять милосердие.

— Я сам решу, что должен, — отрезал Дмитрий.

Он продолжил путь. Теперь он знал, что может читать людей без крови — если сосредоточится. Это была полезная способность. Она позволяла отличать друзей от врагов. Но она же делала его одиноким. Он видел грязь в каждом, кого встречал. И это было невыносимо.

Он вспомнил Анну. Её лицо, её слова. Она была чиста. Её призрак не несло этой тяжести. Она была единственным светом в его новой, тёмной жизни. И он должен был защитить этот свет. Любой ценой.

Он вернулся в склеп Загорских перед рассветом. Там его ждала Анна.

— Ты узнал что-то? — спросила она.

— Я узнал, что могу видеть грехи, — ответил он. — И что людей вокруг слишком много, чтобы всех ненавидеть. Но я должен найти тех девятих. Они — источник зла. Если я убью их, остальные, может быть, станут лучше.

— Ты в это веришь? — тихо спросила Анна.

Дмитрий помолчал.

— Нет, — признался он. — Но я должен во что-то верить. Иначе я сойду с ума.

Ночью он отправился к дому Корфа. Он не собирался убивать барона — пока. Он хотел узнать больше. Он хотел найти нить, которая приведёт его к остальным Попечителям.

Дом Корфа стоял на Сергиевской улице. Дмитрий пробрался в сад, перепрыгнув через ограду с лёгкостью, которая всё ещё удивляла его самого. Он подошёл к окну кабинета. Внутри горел свет. Корф сидел за столом и писал. Рядом стоял человек в чёрном сюртуке — судя по повадкам, жандарм или агент Третьего отделения.

Дмитрий прислушался. Голоса доносились через стекло.

— ...он мёртв, — говорил Корф. — Тело в проруби. Никто не найдёт.
— А призрак? — спросил агент. — Говорят, его видели на набережной. И в лавре.
— Глупости, — отмахнулся Корф. — Слухи. Народ любит страшные сказки.
— Но печать дрогнула, — настаивал агент. — Его Высокопревосходительство обеспокоен. Он требует, чтобы вы усилили охрану. И нашли... того, кто мог бы справиться с этим.
— Ловчего? — усмехнулся Корф. — Монаха-экзорциста? Он же безумен.
— Он эффективен. И он знает о Хорсе больше, чем кто-либо. Крот уже отдал приказ. Дмитрий замер. Крот. Обер-прокурор Синода. Один из девяти. Теперь он знал имя. Но этого было мало. Он хотел большего.

Он бесшумно открыл окно и скользнул в кабинет. Корф и агент обернулись. Корф побледнел, узнав его.

— Ты... ты мёртв! — выдохнул он.

— Уже нет, — ответил Дмитрий. — И я пришёл за ответами.

Он бросился вперёд. Агент выхватил пистолет, но Дмитрий был быстрее — он выбил оружие и схватил агента за горло. Корф попытался бежать, но Дмитрий преградил ему путь. Он не пил кровь — пока. Он просто держал их, чувствуя, как страх пульсирует в их жилах.

— Имена, — сказал он. — Все девять. Или я убью вас обоих. Медленно.

Корф задрожал.

— Я... я не знаю всех. Только троих. Крот. Северов. И... и тот, кто в Москве. Помещик. Он коллекционирует души.

— Как его имя?

— Я не знаю! Клянусь! Его зовут просто... Коллекционер. Он не называет себя. Он живёт в усадьбе под Москвой. Я никогда его не видел.

Дмитрий отпустил агента и подошёл к Корфу. Он взял его за руку и посмотрел в глаза. Он сосредоточился, ища в его памяти имена, лица, связи. Он увидел Крота — толстого, лысого человека с холодными глазами. Увидел Северова — надменного канцлера с орлиным профилем. Увидел других — смутные силуэты, скрытые в тумане.

— Ты знаешь больше, чем говоришь, — сказал Дмитрий.

Корф заплакал.

— Я не могу... они убьют меня...

— Я убью тебя, если ты не скажешь.

— Хорошо! Хорошо! Есть список. В канцелярии Третьего отделения. Там все имена. Но туда невозможно попасть. Охрана, шифры...

— Это уже моя забота, — сказал Дмитрий.

Он отпустил Корфа. Барон упал на колени, дрожа. Дмитрий посмотрел на него с презрением. Этот человек убил его. Этот человек был частью системы, которая пила кровь народа. Но сейчас он был просто жалким трусом.

— Я не убью тебя сегодня, — сказал Дмитрий. — Но я вернусь. И тогда ты ответишь за всё.

Он выпрыгнул в окно и исчез в ночи. За его спиной Корф рыдал, а агент пытался подняться с пола.

Дмитрий знал теперь первый шаг. Канцелярия Третьего отделения. Там — список. Там — ключ ко всему.

Он вернулся в склеп перед рассветом. Анна ждала его.

— Ты не убил его, — сказала она.

— Нет, — ответил он. — Пока нет. Мне нужна информация. А мёртвые не говорят.

— Ты учишься, — тихо сказала Анна.

— Я учусь быть чудовищем, — ответил Дмитрий. — Но у меня нет выбора.

Он сел на саркофаг и закрыл глаза. Впереди был день. Впереди была охота. Впереди была тьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.